

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ТРЕНД СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

УДК 316.421

В.В. Шимов

Белорусский государственный университет

Сама логика социальной эволюции есть логика слияния, объединения, обобществления ранее разрозненных, раздробленных элементов. Смысл этого слияния заключается в повышении жизнеспособности и открытии новых возможностей, не доступных на этапе раздробленности. Первой «социальной революцией» в истории развития живой материи можно считать появление многоклеточных организмов, т.е. объединение ранее «независимых» клеток в структуры с принципиально иными возможностями по сравнению с одноклеточными. Следующей ступенью социальности стало формирование уже многоклеточными особями сложных систем отношений и взаимозависимостей, которые мы и привыкли называть социальными. Первичные формы этой новой социальности проявляются у насекомых и дальнейшее свое развитие находят у позвоночных – птиц и млекопитающих, у которых социальность связана с формированием аналитических и познавательных функций мозга.

Максимального своего развития социальность достигает у человека. Объединяясь с себе подобными, человек разумный получает невиданные по сравнению с другими живыми существами возможности по преобразованию окружающей среды, использованию ее свойств и ресурсов в своих интересах.

Однако с самого начала в социальную эволюцию человека было заложено противоречие между интеллектуальными возможностями человеческого мозга, и архаичными формами социальности, доставшимися от обезьяньих предков и тормозившими развитие человеческой цивилизации. Как и у других млекопитающих, у приматов, от которых произошел человек, социальность была организована в форме малых групп, то есть сообществ небольшого количества особей, враждующих с другими подобными группами. Связано это с ограниченными возможностями мозга человекообразных обезьян (да и любых других социальных животных), не способных планировать и организовывать деятельность в масштабах больших групп. Человек является единственным существом, интеллектуальные способности которого позволяют действовать в масштабах не просто больших групп – всего вида в целом. Однако этот потенциал наткнулся на препятствие в виде архаичной «обезьяньей» социальности, изживание которой, пожалуй, можно считать главным смыслом социальной эволюции человека.

Социальность малых групп означает узкогрупповой эгоизм. Кругозор, интересы и горизонт планирования входящих в группу особей оказывается ограничен ее пределами. При контактах с другими группами их интересы с легкостью приносятся в жертву своим собственным. Это, в свою очередь, порождает ксенофобию, жесткое разграничение на «своих» и «чужих», где на чужих не распространяются права, принятые для своих (в т.ч., зачастую, право на жизнь), и, более

того, чужаки могут не рассматриваться как полноценные люди вообще. Примеров подобного «расчеловечивания» чужаков, характерного для разных человеческих культур, можно привести множество. Впрочем, человек этим не уникален, попросту воспроизводя древнейшие архетипы, идущие из глубин биологической эволюции. Смертоносные битвы популяций муравьев и кровавые драки обезьяньих стай наглядно иллюстрируют корни межгрупповой ненависти у людей.

Подобный тип социальности носит сугубо локальный характер, что закономерно ограничивает его возможности для развития и преобразования окружающей среды в интересах вида – носителя такой социальности. Как уже говорилось, социальность малых групп обусловлена ограниченными возможностями мозга большинства общественных животных, в своих познавательных и аналитических функциях не способных подняться выше местного уровня. Преодоление этих общественных форм стало одним из главных вызовов социальной эволюции *homo sapiens*, мозг которого оказался в состоянии вырваться за пределы локальной ограниченности и перейти к формированию «большого общества», объединяющего весь род человеческий и открывающего принципиально иные горизонты и масштабы деятельности.

Архаичные виды людей полностью оставались в рамках «обезьяньей» социальности – этому способствовали как все еще ограниченные возможности мозга, только начинавшего осваивать орудийную деятельность и предпринимать первичные попытки создания антропосферы – модифицированной человеком среды обитания. Человек разумный также достаточно долго не выходил за пределы этой «обезьяньей» парадигмы, оставаясь ограниченным примитивностью технологий, которые не позволяли подняться выше локального уровня.

Однако именно мозг *homo sapiens* смог прорвать непреодолимый для других живых существ барьер социальности малых групп. Познавательные и аналитические возможности человека разумного позволили ему создавать технологии, преобразующие окружающую среду и эксплуатирующие ее ресурсы в невиданных ранее масштабах. А это, в свою очередь, требовало кооперации в формате, выходящем за рамки первобытных малых групп с их ксенофобией и разделением на «своих» и «чужих».

Главным инструментом интеграции людей в «большой социум» становилась культура, которая является порождением еще одной уникальной способности человеческого мозга - к абстрактному мышлению и воображению. Формирование языка и других знаковых систем как средств коммуникации, мифов и символов, образующих общее смысловое пространство, - все это способствовало складыванию «воображаемых сообществ» [1], т.е. неконтактных групп, объединяющих большое количество лично не знакомых людей, которые, однако, ощущают («воображают») свою общность и в силу этого способны к солидарным действиям. Культура на базе абстрактного мышления и воображения позволяла людям преодолеть замкнутость малых групп, основанных на непосредственном общении входящих в них индивидов. Формирование больших неконтактных

«воображаемых сообществ» открывало возможности для организованной деятельности в не виданных ранее масштабах. Именно это стало важнейшей предпосылкой человеческой цивилизации, инфраструктура которой создается усилиями и служит интересам огромного количества лично не знакомых друг с другом людей.

Таким образом, глобализация, укрупнение социальных и культурных форм изначально были доминантой общественного развития человечества. Вместе с тем, атавизмы «обезьяньей» социальности в виде межгрупповой раздробленности и конфликтности, идентичностей по принципу «свой»-«чужой» по настоящее время остаются неизменными спутниками человеческой истории.

Причин тому несколько. Само по себе противоречивое сочетание возможностей человеческого мозга с пережитками «обезьяньей» социальности есть следствие консерватизма эволюционного процесса. С одной стороны, эволюция изменчива и динамична, благодаря чему становится возможным появление новых форм жизни, адаптирующихся к постоянно меняющимся условиям или получающих возможность осваивать новые среды обитания, недоступные эволюционным предшественникам. С другой же стороны, любая форма жизни стремится к устойчивости и неизменности, что придает эволюции консервативный и инерционный характер. Новые структуры, возникающие в ходе эволюции, очень часто не вытесняют старые, а надстраиваются над ними, создавая противоречивое сочетание.

Так, внутривидовая агрессия, характерная и для социальных животных, является наследием досоциальных форм эволюции и входит в противоречие с принципом социальности, направленным на внутривидовую «солидарность». Это, кстати, является еще одной предпосылкой появления социальности малых групп, в рамках которой внутривидовая агрессия перенаправляется на представителей своего вида, но принадлежащих к «чужим» сообществам. Точно так же и возможности человеческого мозга, требующие формата «большого социума», вошли в противоречие с архаичными формами социальности, унаследованными человеком от предшествующих этапов эволюции.

Человек учился преодолевать эту архаичную социальность, вырабатывая мифологию больших «воображаемых сообществ» (национальных, религиозных и т.п.), а также создавая такие институты, как государство, способные объединять и управлять людьми в больших количественных и территориальных масштабах.

Тем не менее, архетипы «обезьяньей» социальности продолжали воспроизводиться и в новых реалиях. Собственно говоря, новые «воображаемые сообщества» продолжали функционировать по принципу «обезьяньих стай», воспроизводя разделение на «своих» и «чужих», просто в более крупных масштабах и будучи упакованными в культурные формы. Более того, «воображаемая реальность» человеческой культуры, призванная объединять людей в крупные общности, одновременно является и разделителем этих общностей. Культурные различия становятся маркерами для распознавания «своих» и «чужих», а мифология, продуцируемая разными культурами, придумывала «рациональные» объяснения

для межгрупповой ненависти. Показательны в этом плане многие религиозные мифы, обосновывающие «избранность» того или иного народа и его право на насилие над иноверцами. На аналогичном фундаменте возвеличивания «своих» против «чужих» строятся и все националистические мифы.

Воспроизводству «обезьяньих» форм общественной организации способствует не только генетическая память человечества, восходящая к социальным структурам австралопитеков и более древнему эволюционному опыту. Небиологические закономерности развития человеческой цивилизации также способствовали воспроизводству этих архаичных форм.

Социокультурному дроблению благоприятствовала невероятная географическая рассеянность человечества в условиях неразвитых средств сообщения. Благодаря умению поддерживать огонь, строить жилища и изготавливать одежду человек еще на ранних этапах социальной эволюции получил возможность осваивать недоступные ему ранее природные среды, в результате чего расселился практически по всей земной суше. Однако следствием этого становилась изоляция человеческих групп в новых природных ареалах и накопление как культурно-языковых, так и антропологических (расовых) различий между человеческими популяциями. На культурно-языковую дополнительно накладывалась и классовая раздробленность, когда по мере усложнения производственных отношений и технологических укладов система разделения труда начала трансформироваться в систему социального неравенства, где разные профессиональные сообщества (воины, торговцы, крестьяне и т.п.) превращались в относительно замкнутые группы с неравным статусом, а также доступом к общественным благам и ресурсам. Таким образом, узкогрупповой «обезьяний» эгоизм пробивал себе дорогу в условиях сложно организованных социумов, приобретая форму культурно-языковых и классовых различий, делавших всю систему социальных отношений неустойчивой и конфликтной.

Взаимное наложение этих двух противоречивых тенденций – к интеграции/унификации и фрагментации/дроблению – давало столь же противоречивые и нередко драматичные результаты. Процесс формирования больших неконтактных сообществ вследствие этого оставался всегда незавершенным, сами эти сообщества оставались внутренне неоднородными и несли в себе семена конфликтов, образующих эти сообщества групп – культурных, религиозных, классовых.

Так, в свое время появление универсальных монотеистических религий, призванных объединить верующих поверх этнокультурных и классовых барьеров («нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного») действительно способствовало складыванию «глобализированных» культур, объединявших людей разного этнического происхождения на больших пространствах. Формирование этих культур сопровождалось масштабными процессами унификации и ассимиляции, которые, однако, никогда до конца не стирали межгрупповых различий и связанных с ними конфликтов. Более того, эти религии сами могли продуцировать новые конфликты и разделения, дробясь на противоборствующие течения, «расколы» и «ереси».

Этническая ассимиляция в рамках больших религиозных традиций также всегда носила половинчатый и незавершенный характер. Так, экспансия исламского Халифата привела к арабизации племен и народностей Ближнего Востока и складыванию мощной арабо-мусульманской культуры Средневековья. С другой стороны, внутри этой арабской общности сохранилась достаточно глубокая дифференциация и внутренние антагонизмы. Кроме того, для многих этнических групп, принявших ислам, поверхностная арабизация стала не причиной ассимиляции, а основанием для складывания собственных традиций на базе ислама (персы, турки), нередко оказывавшихся в конфликтно-антагонистических отношениях с арабским ядром. Аналогичным образом, «православная солидарность» не смогла устранить конфликтов и конкуренции даже между близкородственными славянскими народами – сербами и болгарами, русскими и украинцами.

Помимо религий, агентами социокультурной глобализации всегда выступали империи, объединявшие под единой властью обширные и разнородные территории. Имперское строительство сопровождается социокультурной интеграцией и унификацией, которые, однако, опять-таки остаются половинчатыми и незавершенными, а внутренние антагонизмы в итоге нередко приводят империи к краху, после чего начинается новый виток дробления и дифференциации постимперского пространства.

Важным инструментом социокультурной глобализации всегда выступал и язык. Язык, как средство общения и передачи информации, выступает одним из основных орудий социальной интеграции. С другой стороны, именно языковые различия являются значимым фактором социальной дробности и фрагментированности, а социокультурные барьеры выступают в первую очередь в форме барьеров языковых. Языковая раздробленность, опять же, является наследием ранних этапов социальной эволюции, когда рассеяние человеческих сообществ в условиях неразвитых средств сообщения закономерно порождало углубляющуюся языковую дивергенцию. Причем своего пика она, по всей видимости, достигла еще до аграрной революции. Об этом, в частности, свидетельствует изучение уклада сохранившихся до наших дней архаичных племен Индонезии и Папуа-Новой Гвинеи, демонстрирующих невероятную языковую раздробленность на относительно небольших территориях, которые, однако, рассечены трудно преодолимыми для архаичных племен препятствиями (джунгли, горные хребты и т.п.). Аналогичная языковая фрагментация наблюдается и во многих других труднопроходимых горных местностях с затрудненными для сельского хозяйства условиями – например, на российском Северном Кавказе.

Аграрная революция и складывание крупных земледельческих цивилизаций породили масштабные социальные структуры, включающие разноразличные племена и народности. Как уже было сказано, языковые отличия являются основой социокультурной дробности, а языковой и информационный барьер – провоцирует фобии и способствует формированию враждебных идентичностей по принципу «свой – чужой». Поэтому аграрный переход закономерно порождал конфликт между новыми «глобализированными» структурами и межгрупповой враждебностью, вызываемой культурно-языковой фрагментацией. Очевидно,

именно к этой эпохе относится один из древнейших дошедших до нас мифов – о столпотворении Вавилонском, в котором языковая раздробленность представлена как небесная кара. Миф отражает противоречия «глобализирующегося» общества, еще не изжившего внутренние барьеры. Образ недостроенной башни, с одной стороны, отражает возросшие возможности цивилизации и, с другой, сложность их реализации из-за социокультурной распыленности.

Дальнейшее развитие аграрных цивилизаций обычно порождало язык-посредник, служивший универсальным средством общения между разноязыкими группами. Однако этот язык, как правило, не ограничивался посреднической функцией и начинал теснить, ассимилировать локальные языки, постепенно унифицируя в лингвистическом отношении пространство цивилизации. Язык-посредник, в силу своего универсализма, получает приоритетное развитие. На этом языке взаимодействует большее количество людей в больших географических масштабах, поэтому и владение таким языком открывает большие возможности. По этой причине на языке-посреднике формируется более богатая, универсальная и разнообразная культура. Возникает разность потенциалов между этой универсальной культурой и местными, локальными культурами, которые на ее фоне начинают выглядеть как все более отсталые и провинциальные, реликты былой раздробленности. Это, в свою очередь, еще больше ускоряет процесс ассимиляции малых культур и языков универсальной «имперской» культурой, которая вытесняет своих менее удачливых конкурентов, одновременно абсорбируя и синтезируя многие их элементы.

Таким образом, билингвизм, параллельное бытование двух или более языков в историческом плане оказывается явлением промежуточным, переходным, и в силу этого неустойчивым. Оно может сохраняться достаточно длительное время, если группы – носители этих языков остаются относительно изолированными друг от друга. Именно это и происходило в рамках аграрных цивилизаций. Транспортное сообщение и хозяйственные связи все еще оставались слабо развитыми, что поддерживало внутреннюю изолированность регионов, а значит – культурные и языковые различия. Чем более географически был удален тот или иной регион от цивилизационного или имперского ядра – тем труднее и медленнее шла там ассимиляция. Кроме того, сопротивление ассимиляции могут оказывать и сами ассимилируемые культуры, если они успели получить самостоятельное развитие перед тем, как оказались в зоне притяжения другой, более сильной культуры. Так балканские славяне оказывали сопротивление османской ассимиляции, а поляки и ополяченные элементы в Белоруссии и на Украине – русификации в рамках Российской империи.

Тем не менее, несмотря на все эти противоречия, которые просто выявляют нелинейный характер, присущий любому эволюционному процессу, общая тенденция к глобализации и социокультурной интеграции человечества представляется очевидной. Более того, она является глубоко закономерной и отражающей логику любого эволюционного движения. В социокультурном многообразии ча-

сто видят проявление конкуренции человеческих культур и сообществ, рассматриваемой как основной локомотив развития и прогресса. Это в значительной мере так, однако любая конкуренция, в конечном счете, завершается монополией сильнейших, вытесняющих слабых из своей «экологической ниши». Наглядна в этом плане история всего рода Номо, который на протяжении большей части своей истории отличался видовым разнообразием, т.е. параллельным существованием нескольких видов людей. Итогом, однако, стало тотальное торжество вида Номо Sapiens, вытеснившего всех своих собратьев-конкурентов с лица планеты. Таким образом, эволюция, долгое время шедшая «ветвящимися тропами», в конце концов зарезервировала нишу «разумных приматов» только за одним видом. Произошло это благодаря преимуществам, которые человеку разумному перед другими видами людей давали его интеллектуальные способности и социальная организация. Этот перевес делал дальнейшую конкуренцию разновидностей людей нецелесообразной, расчищая перед человеком разумным путь для реализации заложенных в нем возможностей. Таким образом, утрата видового разнообразия играла на руку человеку разумному, освобождая его от обременительной конкуренции с другими видами людей за ресурсы и территории – конкуренции, которая теперь превращалась в тормоз и распыление энергии.

Аналогично действует и социальная эволюция, переходя от конкурентного многообразия социокультурных форм к единому глобальному социуму. Здесь, опять же, включалась логика отбора наиболее «удачных» и конкурентоспособных форм социальности, двигавших человеческую историю и закладывавших основу будущего глобального общества и культуры.

Список источников и литературы

1. Андерсон, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон – М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. – 288 с.